

А. В. Бражник

**ПРАПОРЩИК ПОТАПОВ – ВРЕМЕННЫЙ КОМЕНДАНТ
ПЕТРОПАВЛОВСКА-КАМЧАТСКОГО в 1905 г.**

В статье рассказывается о судьбе прапорщика Владимира Константиновича Потапова, оказавшегося с экипажем на необитаемом острове Уруп в результате крушения призового парохода «Ольдгамия», а затем на японской шхуне попавшего на Камчатку. Опираясь на материалы Российского государственного архива Военно-морского флота, автор восстанавливает события и деятельность В. Г. Потапова на Камчатке летом и осенью 1905 г.

Ключевые слова: Русско-японская война, пароход «Ольдгамия», Российский государственный архив Военно-морского флота, Камчатка, Сахалин, Уруп, Петропавловск-Камчатский.

A. V. Brazhnik

**ENSIGN POTAPOV – TEMPORARY COMMANDANT OF
PETROPAVLOVSK-KAMCHATSKY IN 1905**

The article tells about the fate of Ensign Vladimir Konstantinovich Potapov, who, as a result of the wreck of the prize steamer Oldhamiya, found himself with the crew on the uninhabited island of Urup, and then, on a Japanese schooner, got to Kamchatka. Based on the materials of the Russian State Archive of the Navy, the author reconstructs the events and activities of V. G. Potapov in Kamchatka in the summer and autumn of 1905.

Keywords: Russo-Japanese War, steamer «Oldhamia», Russian State Archive of the Navy, Kamchatka, Sakhalin, Urup, Petropavlovsk-Kamchatsky.

К написанию этой статьи автора побудила находка в фондах Российского государственного архива Военно-морского флота (РГАВМФ) материалов, освещающих ситуацию на Сахалине и Камчатке в период лета и осени 1905 г., сразу после разгрома в Русско-японской войне [9]. В статье изложены сведения из этих документов, поскольку они, на наш взгляд, представляют несомненную ценность для историков и краеведов и ранее не публиковались.

О Владимире Константиновиче Потапове, волею судьбы ставшем в конце своей «одиссеи» комендантом Петропавловска-Камчатского, известно немного. Он родился 7 июля 1881 г. в г. Одессе. С 21 июля 1903 г. был прапорщиком запаса флота по морской части; в службе из запаса флота с 30 марта 1904 г. Вахтенный офицер эскадренного броненосца «Ослябя» со 2 августа 1904 по 6 мая 1905 г.; вахтенный начальник трофейного английского парохода «Ольдгамия» (Oldhamia) с 6 мая 1905 г.

1 ноября 1905 г. прибыл во Владивосток. Там некоторое время оставался вахтенным начальником на транспорте «Аргунь», а затем был откомандирован проводить пароходы через минные заграждения. Из Владивостока в европейскую Россию выезжал пассажиром на пароходе «Сильвия», который наткнулся на мину за-

граждения, и все документы Потапова погибли. В январе 1906 г. находился в Санкт-Петербурге. За Русско-японскую войну, по представлению З. П. Рожественского, 7 февраля 1906 г. был награжден орденом Св. Станислава III степени с мечами и бантом.

Во время Первой мировой войны был начальником обороны русских устьев Дуная. В его честь «Потаповским» назван судоходный канал в устье Дуная.

6 февраля 1917 г. назначен подполковником корпуса гидрографов за отличие. С 18 сентября 1917 г. переведен во флот капитаном 2 ранга. С 1917 г. – помощник начальника отряда и средств по борьбе с подводными лодками в Черном море. Служил в Вооруженных силах Юга России и Русской Армии в Черноморском флоте до эвакуации Крыма (до 1920). С 26 октября 1920 г. – капитан 1 ранга. Старший морской начальник в Галлиполи. На 25 марта 1921 г. находился в составе русской эскадры в Бизерте (Тунис) на броненосце «Георгий Победоносец». В марте 1922 г. – в лагерях Надор и Ремель. Эмигрировал во Францию в 1923 г. В Париже с 1935 г. работал шофером такси, рабочим на заводе Рено. С 1937 г. переехал в Исси-ле-Мулино (Франция). Создал свое достаточно прибыльное дело, поднимал затонувшие суда. Умер 3 января 1968 г. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа [7, с. 311].

История появления Владимира Константиновича на Камчатке трагична и довольно замысловата. Незадолго до Цусимского сражения, 13 марта 1905 г., английский пароход «Ольдгамия» с экипажем из 32 человек под командованием Александра Стюарта вышел из Нью-Йорка. По судовым документам он перевозил керосин, принадлежащий компании Standard Oil в Нью-Йорке и адресованный в Гонконг [8].

1 мая 1905 г. 2-я Тихоокеанская эскадра Российского императорского флота под командованием контр-адмирала З. П. Рожественского покинула бухту Ван-Фонг (Вьетнам) и пошла на северо-восток в направлении Корейского пролива и, далее, в пункт назначения – Владивосток. Задержание английского судна «Ольдгамии» крейсером «Олег» с контрабандным грузом было случайным и произошло 5 мая в Южно-Китайском море, в Лусонском проливе, в 125 милях на запад – юго-запад от Бетанских островов, на подходе к о. Формоза (Тайвань) [3, с. 71; 6]. Крейсер холостым выстрелом остановил пароход, высадил на него офицеров корабельной комиссии для осмотра, которая установила, что груз керосина контрабандный и следует в Японию.

Из рапортов прапорщика по морской части Петра Леймана [5] мы знаем, что 6 мая 1905 г. по приказанию командующего 2-й Тихоокеанской эскадрой вице-адмирала Рожественского была сформирована призовая команда «Ольдгамии» для перехода судна во Владивосток. Команда состояла из прапорщика по морской части Андрея Сергеевича Трегубова – командира парохода, ранее весьма опытного моряка коммерческого флота, перешедшего с эскадренного броненосца «Князь Суворов»; прапорщика по морской части Петра Карловича Леймана – вахтенного начальника, перешедшего с эскадренного броненосца «Император Александр III»; прапорщика Владимира Константиновича Потапова – старшего офицера с эскадренного броненосца «Ослябя» и механика, прапорщика Яна Густавовича Зайончковского со вспомогательного крейсера «Урал». Экипаж состоял из верхней и машинной команд, взятых с эскадры, в числе 37 человек, в том числе и боцмана.

7 мая пароход был отправлен во Владивосток вокруг Японии, через пролив Лаперуза. 8 мая эскадра повернула в Корейский пролив, а «Ольдгамия», получив приказание следовать во Владивосток, отделилась от эскадры. Следуя вдоль Тихоокеанского побережья Японии, «Ольдгамия» не встретила никаких судов. 18 мая ве-

чером судно попало в густой туман. Туманным утром 20 мая пароход подошел к проливу Фриза, разделяющему курильские о-ва Уруп и Итуруп. Из-за ошибки в счислении и показаний лотовых, командир судна считал себя прошедшим пролив и находящимся в Охотском море, и приказал увеличить ход до полного. 20 мая в 10 часов 10 минут утра, при густом тумане, судно село на мель у берегов о. Уруп. Виновником аварии парохода позднее официально посчитали капитана Трегубова.

В 12 часов дня 22 мая, перевезя провизию и все, что было лишь возможно перевезти при крупной зыби, большом прибое и бурунах, Трегубов поджог судно, дабы не сделать его возможной добычей неприятеля. С парохода были свезены 2 спасательных бота и 2 шлюпки-четверки, из которых одна без руля и совершенно негодная, а другая с течью, брезенты, паруса, провизию, консервы, инструменты и два шлюпочных компаса. Всё это было сделано с большим риском, по пояс в ледяной воде. Продуктов, спасенных с «Ольдгамии», хватило бы только на два месяца [1].

Не имея возможности поместить на два вельбота и две непригодные к плаванию шлюпки всю команду из четырех прапорщиков и 37 нижних чинов, 28 мая Трегубов сформировал два отряда охотников по 6 человек в надежде найти рыбацкое селение и реквизировать там какие-нибудь плавсредства. Эта попытка оказалась безуспешной, так как о. Уруп в это время был совершенно необитаем.

3 июня первый вельбот был снаряжен, снабжен провизией и водой в керосиновых банках на две недели, и на следующий день 10 человек нижних чинов под командованием прапорщика Леймана ушли на Сахалин. Вельбот прибыл в пост Корсаковский утром 14 июня, несмотря на туман, захвативший их шторм и тяжелую болезнь Петра Леймана. Но помощь оставшимся на острове организовать не удалось из-за угрозы высадки японцев на Сахалине.

Поскольку никакой помощи и никаких вестей с Сахалина не поступало, прапорщик Трегубов подготовил к выходу второй бот. 22 июня с 13 матросами, с запасом провизии по числу людей на 16 дней, с 4 ружьями, 5 револьверами и с судовыми документами, он покинул остров. Вельбот был сильно перегружен, и теснота не позволяла никому даже вытянуть ноги. Перед уходом Трегубов официально письменными предписаниями передал старшинство прапорщику по механической части Зайончковско-

му, как старшему по возрасту, с оговоркой, что в случае, если бы пришлось идти куда-нибудь на шлюпках, то прапорщик Зайончковский должен подчиняться Потапову, как специалисту в судовождении, что и спровоцировало все дальнейшие конфликты между оставшимися офицерами. В полдень 23 июня Трегубов со своей командой на веслах при проливном дожде и при полном безветрии подошел к проливу Фриза, но затем в проливе ветер достиг силы 5 баллов при громадной зыби, и, не видя возможности укрыться от ветра, он повернул назад, чтобы выходить Кунаширским проливом. Вельбот дал течь, которую удалось уменьшить, и вечером 27 июня прошли пролив и вышли в Охотское море. Питаясь солеными консервами, люди страдали от жажды, но подойти к берегу не было возможности из-за сильного прибоя. С 1 на 2 июля Трегубов подошел к о. Сахалин немного севернее мыса Анива, где и попал в плен к японцам. На допросе он сообщил, что на о. Уруп остались 2 офицера и 14 нижних чинов, и просил послать им помощь.

Отметим, что оба перехода через Охотское море на плохо подготовленных вельботах, в штормовую погоду, явились героической страницей, демонстрирующей мужество наших военных моряков.

Оставшиеся на острове моряки из-за сырой погоды страдали лихорадкой и ревматизмом. Большая часть здоровых моряков ушла из лагеря на разведку по острову. 2 июля на горизонте показалось парусное судно. В 7 утра прапорщик Потапов с 4 нижними чинами отправился на единственной исправной шлюпке-четверке к судну и достиг его в штилевой полосе. Оказалось, что это была японская шхуна «Котоку-Мару», которая шла из Японии на о. Шумшу для ловли рыбы. На судне оказалось более 20 человек хорошо вооруженных японцев, и от плана её захвата пришлось отказаться. Потапов пытался убедить капитана забрать людей с берега и отправиться вместо о. Шумшу на Камчатку, где улов мог быть несравненно больший, обещая щедро заплатить за продовольствие и гарантируя полную безопасность, для чего предполагал поднять русский флаг и принять все меры предосторожности во избежание всякого рода возможных неприятностей. Но японский капитан отказался ждать людей, ушедших на разведку по острову и, заманив прапорщиков на судно, ночью ушел на Камчатку. С ночи 3 июля на о. Уруп осталось 14 нижних чинов без офицеров, под командованием боцмана Гоцки.

Когда шхуна подошла к устью р. Колпако-

вой на западном берегу Камчатки, прапорщики увидели вблизи берега другую японскую шхуну – «Асахи-Мару», которая пришла для рыбной ловли раньше. Зайончковский решил допустить её для ловли в устье реки с тем, чтобы затем конфисковать её рыбный груз в пользу «Котоку-Мару», и ускорить её выход в море для спасения оставшейся команды с Урупа. Шкипер согласился. Сойдя на берег, прапорщики со штурманом шхуны и одним японским матросом к вечеру прибыли в селение Колпаковой¹. Здесь Зайончковский объяснил старосте причины прибытия, и попросил не трогать и не обижать членов команды «Котоку-Мару», и дать им право рыбной ловли на несколько дней, так как от этого зависит судьба бедствующих на Уруп людей. Сельский сход согласился на предложение.

Прапорщик Потапов решил остаться на Камчатке и лично свидетельствовать о происходящем перед окружными властями. По словам прибывшего начальника дружины, унтер-офицера ополчения Леонтия Кузьмина, в соседнее селение ожидался зафрахтованный Российским правительством американский пароход «Australia», с уполномоченным Министерства внутренних дел и помощником начальника округа. Прапорщик Потапов отправился в соседнее селение ожидать его прихода и должен был по его приходу подойти к устью р. Колпаковой и снять Зайончковского. Последний отправился на шхуну «Котоку-Мару» для ускорения погрузки рыбы и обеспечения безопасности, для чего поднял на грот-стенге российский флаг и принял командование судном. Через 3 дня он приказал «Асахи-Мару» уходить в море и конфисковал у нее рыбу, оружие и сети. Рыбу он передал на «Котоку-Мару». До 26 июля из-за заноса устья реки песком возможности выйти в море не было, а утром того же дня прибыл дружинник с запиской Кузьмина с требованием сойти на берег. Сойдя на берег, Зайончковский обнаружил там готовых к нападению на шхуну дружинников. Оказалось, что в нарушение договоренностей, по приказу Потапова, Кузьмин должен был разоружить Зайончковского, арестовать его, а шхуну разграбить и уничтожить. Зайончковский объяснил Кузьмину, что не может нарушить данное слово, и что шхуна является единственным средством к спасению людей на острове, а прапорщик Потапов совершает преступление, стараясь отвлечь его от исполнения своего долга относительно вверенных ему людей. Убеждениями и прямым подкупом, Кузьмину было передано огнестрельное оружие, сети, 75 рублей, белье и одежда.

Зайончковский получил от последнего обещание ничего не предпринимать до следующего утра, и Кузьмин увел дружину обратно в селение. После нескольких попыток Зайончковскому удалось вывести шхуну в море, но она села на мель и внезапно была обстреляна с берега. Три японских матроса на шлюпках были ранены, а один – убит. После огромных усилий во время утренней полной воды шхуну удалось снять, выбросив за борт почти половину груза и несколько цистерн питьевой воды. Через 24 дня плавания (т. е. 19 августа. – А. Б.) Зайончковского доставили в порт Аккеши на Хоккайдо, и он немедленно отправил через местного полицейского депешу в Хокодате с просьбой спасти людей с о. Уруп, но получил ответ, что люди уже сняты и взяты в плен японским военным судном 8 сентября. Зайончковский был отправлен в лагерь военнопленных в г. Ямагати, где и находился до увольнения из плена.

По версии прапорщика Потапова, 11 июля шхуна стала у р. Колпаковой одновременно с другой рыболовной шхуну «Асахи-Мару». Потапов с Зайончковским и двумя японцами высадились и пошли искать селение, обещая содействие в рыбной ловле. К вечеру они заметили строения, но, опасаясь заблудиться, Потапов предложил остаться на месте до рассвета. Зайончковский и японцы не согласились и пошли дальше, а Потапов намеревался заночевать на берегу, но встретил местных жителей с ружьями и при помощи форменного сюртука смог убедить их, что он русский офицер. Придя в селение и найдя старосту, он послал его предупредить жителей и дружинников не расстреливать Зайончковского и двух японцев, застрявших в болотистой тундре. Прибыв в с. Колпаково и фактически приняв командование, Потапов послал в селение Облуковино² к унтер-офицеру Кузьмину приказание немедленно прибыть с дружиной, но не трогать по дороге японские шхуны, и не мешать «Асахи-Мару» закончить ловлю рыбы, а затем отобрать у её экипажа оружие, сети и рыбу, а японцев прогнать. Относительно «Котоку-Мару», он убедил камчадалов и дружинников помочь японцам в рыбной ловле для спасения команды, оставшейся на Уруп.

Прапорщик Зайончковский пожелал идти на о. Уруп за командой, и Потапов дал ему начерченную им карту места крушения. Узнав, что у Петропавловска находятся германский станционер и два американских парохода, Зайончковский решил идти туда, надеясь при их помощи спасти людей раньше шхуны, и тем самым

не сдать никого в плен. Но он хотел встретиться с Кузьминым, так как не терял надежды взять у него людей и самому пойти на шхуне.

13 июля приехал Кузьмин и подтвердил, что в Петропавловске действительно стоят станционер и 2 парохода, и что там же можно найти и матросов, но они могут прибыть не ранее как через 2 месяца, а из его людей никто не способен и не соглашается идти в море на такой продолжительный срок. Потапов узнал, что в селении Облуковино на днях ожидается пароход «Австралия». На нём должны были прибыть уполномоченный Министерства внутренних дел, наместник Его Императорского Величества на Дальнем Востоке Н. А. Гребницкий³ и начальник обороны Камчатки, штабс-капитан В. Р. Векентьев. Потапов решил незамедлительно отправиться туда, дав Кузьмину инструкции относительно шхун.

14 июля на рассвете с проводником верхами Потапов отправился в Облуковино, куда прибыл на следующий день. Прождав 6 дней и не дождавшись «Австралию», Потапов составил записку о положении команды на острове и о необходимости её спасения, приложил лоцманские заметки из сделанных на острове наблюдений, начертил подробный план с обозначением общего вида местности и пункта крушения, обозначив приметные камни и другие вспомогательные признаки. Он оставил эту записку старшему дружиннику поста, приказав по приходе парохода передать ее Гребницкому или штабс-капитану Векентьеву, а при их отсутствии – капитану парохода.

21 июля непогода стихла, и Потапов отправился в Облуковино, куда и прибыл рано утром 22, а 25 уже в Колпаково узнал от Кузьмина, что взятые со шхуны «Асахи-Мару» сети и оружие Зайончковский передал на шхуну «Котоку-Мару». Собрав дружину, в 12 часов ночи Потапов отправил их к месту стоянки шхуны «Котоку-Мару» во главе с Кузьминым, которому вручил два письма для Зайончковского. В первом Потапов предлагал немедленно сдать Кузьмину взятое с «Асахи-Мару» оружие и сети, а также все оружие с «Котока-Мару». Если бы предложение не было им исполнено, Кузьмин должен был передать второе, в котором Потапов предписывал, что в виду очевидного нежелания японцев сдать оружие, он просит Зайончковского съехать под каким-нибудь предлогом на берег, так как в противном случае через час обещал открыть огонь по шхуне. Как мы уже знаем, Зайончковский эти предложения не принял. Утром

Кузьмин донес Потапову, что он застал шхуну «Котоку-Мару» и, по вручении Зайончковскому второго письма, получил оружие, патроны и сети. Шхуна с Зайончковским готовилась к отходу. Так пути прапорщиков Зайончковского и Потапова окончательно разошлись и больше никогда не пересекались.

Отметим то, что донесение Потапова демонстрирует отчаянный авантюризм автора и несет некоторый оттенок самовосхваления, но в целом, в сравнении с другими известными мемуарными источниками по истории Камчатки, довольно объективно описывает тогдашнюю ситуацию на полуострове. Вспомним, что ему было всего 24 года. Прибыв на запад Камчатки 11 июля, он покинул её в конце октября 1905 г. на пароходе «Аргунь», т. е. пробыл на Камчатке около 3 с половиной месяцев.

Первое, что поразило Потапова на Камчатке (еще в Колпаково) – крайняя нищета местного населения: *«Бедность населения не поддается никакому описанию; люди были буквально голы[,] и двухлетняя война вконец подорвала их благосостояние. Сельчане с восторгом отзывались о бывшем их уездном начальнике, Антоне Петровиче Сельницком⁴, который, как оказалось, энергично боролся с произволом и монополией Камчатского Торгового Промышленного Общества, восстав против искусственного понижения цен на меха, ввел свободную торговлю и повысил заработок Камчадалов».*

При всем при этом можно отметить довольно четкую координацию действий дружин и связь (например, колпаковской, облуковинской и мильковской⁵) между собой и вполне сносную дисциплину среди рядовых дружинников: *«Осматривая по пути дружины Камчадалов, отличных стрелков, я нашел их превосходно организованными и, несмотря на лишения, каждую минуту готовыми исполнить свой долг защиты отечества и биться с неприятелем».*

...Жаба⁶ ознакомил меня с дружиной и принятыми им мерами на случай нападения японцев, у него оказалась медная старая, но исправная пушка и штук 10 простых снарядов к ней. Пушку эту перевезли сюда по тундре с громадными усилиями, где ее постоянно приходилось вытаскивать из топких мест».

Но отношение его к некоторым начальникам дружин было совершенно другим. Например, о начальнике облуковинской дружины, старшем унтер-офицере Леонтии Павловиче Кузьмине⁷, Потапов пишет: *«Я был поражен просьбой старосты Вагина⁸, устроить так,*

чтобы унтер-офицер Кузьмин не бил бы его, что он обыкновенно делал в каждый свой приезд. 13-го июля приехал Кузьмин и, избив посланного за ним мною старосту, отказался явиться ко мне и на зов другого посланного мною сельчанина; тогда я, взяв револьвер, отправился в дом, где остановился Кузьмин, в присутствии многочисленных сельчан заставил его встать, сделал ему строгий выговор и запретил под страхом наказания применять кулачную расправу. На последующие мои требования Кузьмин являлся немедленно».

Потапов участвовал и в общественной жизни местного населения: *«Рано утром 22-го июля в высокотожественный день тезоименитства ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ, я прибыл в селение Облуковино, присутствовал на служении в церкви, где, за отсутствием священника, служил псаломщик. Сельчане явились в храм и поздравили меня с Царским днем. Я заплатил старосте, и он угостил сельчан чаем и молоком. Облуковинцы заявляли о своей преданности Царю и всегдашней готовности умереть».*

Благодаря своему офицерскому званию, он быстро встроился в административную структуру местного управления и принял активное участие в её действиях, бывшее особенно заметным на фоне бездействия или очень вялого реагирования на внешние события местных чиновников. Как с юмором писал позднее З. П. Рожественский: *«...в результате все приветствовали Прапорщика Потапова, как водворителя закона, хотя прапорщик и не мог бы удостоверить личность даже и внешними признаками, потому что одет был в женскую кофту».*

Известно, что Потапов принимал участие в представлении к наградам местных дружинников. Так, по представлению прапорщика Потапова от 11 октября 1905 г., были награждены медалями дружинники – дочери старосты – Евдокия и Матрена Вагины: *«Считаю долгом сообщить Вашему Высокоблагородию, что две дочери старосты селения Колпаково во время моей высадки к этому селению несли сторожевую службу и когда увидели меня с японцами, то дали о нашей высадке знать мильковской дружине. Таким образом, если бы это были хищники, то только благодаря этим двум камчадалкам, неслим так усердно и внимательно сторожевую службу, мильковская дружина не была бы застигнута врасплох...»* [10, с. 149–150]. Через унтер-офицера Кузьмина, как старший по званию, Потапов командовал действиями дружины

в инциденте со шхунами «Котоку-Мару» и «Асахи-Мару». Довольно широк спектр его перемещений: Колпаково – Облуковино – Колпаково – Большерецк⁹ – Апача – Начики(?) – Апача – Большерецк – Старый Острог – Петропавловск – Старый Острог – Петропавловск.

Подробны его характеристики местного монополиста – Камчатского торгово-промышленного общества: «В Большерецке я вновь убедился в монопольной торговле Камчатского Торгово-Промышленного Общества, продававшего 27 фунтов муки за 12 р. 50 коп. <...> Придя в Петропавловск[,] я зашёл в магазин Камчатского Торгово-Промышленного Общества, где купил себе костюм из самого простого рядна. Но и за такой костюм с меня взяли 25 руб., тогда как ему крайняя цена рубля три. Вообще все в этом магазине было отменно плохого качества, но продавалось так дорого, что для того, чтобы пользоваться продаваемыми здесь вещами, нужно было бы обладать огромным состоянием».

Вот его характеристика нового уездного начальства: «Жаба принес и прочел мне эту бумагу. Передавши её, посланный устно рассказал, что при появлении японцев уездный начальник тотчас же бежал из Петропавловска, а за ним в страхе стремглав побежала и вся дружина. Я высказал Жабе свое недоумение как по поводу уездного начальника, так и по поводу присланного им распоряжения, которое, на мой взгляд, могло явиться последствием только крайней растерянности и панического состояния этого начальника; <...> прапорщик Жаба мне с грустью сознался, что он все время поставлен в такие условия, при которых его значение постоянно дискредитируется в глазах его же подчиненных; и он, поэтому, серьезно опасается, что если он уклонится от приказа уездного начальника, а предпримет какие-нибудь другие шаги, то его распоряжений никто не исполнит».

И, наконец, о бегстве уездного начальства из города: «Оказалось, что эти люди идут в селение Мильково из Петропавловска, где они были во время прибытия японских броненосцев. Японцы вначале стреляли в город. Когда в город полетели бомбы, уездный начальник первый бежал оттуда без оглядки, а за ним побежали все дружины, побросав ружья. Видя все это, городское население пришло в страшную панику и подняло ужасную сумятицу. Старики, женщины и дети плакали и бежали в ужасе и смятении. Город опустел. Дружины уже за городом догнали бегущего начальника и перегнали его, но потом опять уездный начальник перегнал дружинников и впереди

них побежал в селение Старый-Острог. В это же время помощник уездного начальника, г. Павский¹⁰, по словам наших собеседников мильковцев, в пьяном виде валялся на берегу речки, ругаясь с одним из жителей. В таком виде г. Павский послал уездному начальнику записку, в которой в комическом духе умолял ни за что не сдавать Камчатки, а в заключение просил прислать ему еще водки, ибо прежняя вся выпита. Несколько отрезвившись, Павский продолжал свое бегство дальше; по пути Камчадалы его срамили и пристыживали, а он на это отругивался».

Не с лучшей стороны Потапов охарактеризовал деятельность нового уездного начальника Леха¹¹ во время прихода японцев: «В разговоре с г. Лех я косвенно задал ему вопрос, почему он не сжег города, когда явились японцы, и почему не уничтожил имевшийся в Петропавловске уголь и другие припасы. Г. Лех объяснил это тем, что прибытие японцев застало его врасплох, он-де принял неприятельские броненосцы за приближающиеся русские суда, а услыша стрельбу, он полагал, что это салют городу Петропавловску. На дальнейшие мои расспросы начальник давал мне подробные объяснения и рассказал о действиях неприятеля следующее: те же самые два броненосца, которые теперь явились, уже и раньше приходили в Петропавловск. В первый раз они посетили Петропавловский рейд еще 1-го августа и тогда увели с собой пароход «Австралию», забрали также г. Гребницкого и ушли в Японию, решив зайти еще на Командорские острова и забрать стоящий там пароход «Мантара». Спустя шесть дней они явились в Петропавловск вторично. На этот раз японцы, пройдя в город, забирали провизию и резали скот. Глубоко возмущенный, я не мог[,] конечно[,] не высказать г. Леху того, что весьма позорно было оставлять все японцам, предоставив дружине бежать, бросая даже оружие».

Интересны пересказы событий, связанных со смещением и высылкой Гребницким из Петропавловска уездного начальника Сильницкого и начальника обороны Векентьева¹², и происках против них руководства торгово-промышленного общества: «Прибыв 2 августа на устье р. Большерецка, я застал там дружину и начальника её, прапорщика армии и шкипера дальнего плавания Ц. Э. Жабу. Рассказав ему о наших бедствиях, я передал о своеобразном путешествии шт.-капитана Векентьева. Г. Жаба во всей этой истории узнал проделки Камчатского Торгово-Промышленного Товарищества. Он был убежден, что Векентьев был завезен умышленно

по проискам Камчатского Товарищества, совершенно неразборчивого в деле преследования своих целей. Против злоупотребления Товарищества боролся лишь г. Сельницкий и настолько энергично, что Гребницкий не постеснялся объявить Сельницкого сумасшедшим и увезти его. Жаба привел такой пример отношения к делу помощи бедствующему населению: на другой день после прибытия его, по поручению г. Сельницкого, на шхуне в Тягиль¹³ с мукой и провизией для нуждавшегося населения, туда же на пароходе "Миньола" прибыл г. Гребницкий с бароном Брюгеном¹⁴ и, когда во время бури стало сносить шхуну на берег, он, в ответ на просьбу о помощи, встретил лишь издевательство и потерял шхуну. <...> Проехав селение Ана¹⁵ направляясь в селение Начики¹⁶, я встретился с американцем, служащим Конторы Торгово-Промышленного Общества. Он ехал из Петропавловска в Большерецк. В Петропавловск он приехал из Сан-Франциско на пароходе "Австралия", на котором прибыл и г. Гребницкий. Далее я узнал, что "Австралия", выгрузив в Петропавловске часть товаров, отправилась с шт.-капитаном Викентьевым в селения западного побережья с целью снабжения провизией жителей, а в особенности дружины. Но пароход пошел не вдоль западного побережья, а в Охотск, где высадили шт.-капитана Викентьева. Несмотря на некоторые недомолвки в рассказе американца, мне стало ясно, что начальника обороны Викентьева умышленно завезли в Охотск. Пароход же возвратился в Петропавловск[,] откуда, уже без г. Викентьева, предполагал пойти по западному побережью, затем опять в Охотск и оттуда, взяв Викентьева, – в Петропавловск».

Описаны случаи саботажа «злого гения Камчатки» Гребницкого. Купец Огородников сообщил Потапову, что хотел погрузить в Сан-Франциско на пароход «Австралия» разного товара для ввоза в Петропавловск. Но г. Гребницкий не дал ему погрузить ни одного фунта, заявив, что пароход «Австралия» будто бы зафрахтован Камчатским торгово-промышленным обществом.

В донесении дана исчерпывающая характеристика уездного учителя Льва Лукича Роберта: «Учитель уездного училища Роберт¹⁷ отправился к японцам на корабль и сказал им, что войск у нас окончательно нет. Японцы этому не поверили, так как они слышали, что сюда прислан целый полк русских войск, но г. Роберт их уверял, что никаких войск нигде на Камчатке нет, а есть только одне дружины. <...> 7-го августа я и прапорщик Жаба прибыли в Старый-Острог.

Там я познакомился с уездным начальником Станиславом Матвеевичем Лех. Прежде всего я осведомился у него о личности учителя Роберта. В ответ на это г. Лех показал мне записку от г. Гребницкого, сообщающего, что Роберт выдал всех нас [с] головой японцам. Что следует под этим понимать[,] уездный начальник разъяснить не мог.

Вообще, из слышанных мною впоследствии рассказов населения, видно было, что Роберт принимал у себя японцев как (вписано чернилами "дорогих") гостей и также бывал у них.

Уездный начальник показал мне еще полученную им бумагу от самого Роберта, в которой он убеждал начальника немедленно отдать японцам на их военные суда всех содержащихся на Камчатке японских пленных и особенно лейтенанта Гунзи¹⁸.

Был свой план у прапорщика Потапова и относительно действий в Петропавловске в случае нападения на него японцев: «...совершенно сжечь Петропавловск, предварительно удалив оттуда всех людей, скот, собак, уголь и другие припасы, чтобы японцам ничего не досталось; затем увезти дружинников и жителей, а также скот и собак внутрь страны, заманивая и завлекая туда японцев, по пути устраивать неприятелю засады, вводить его в обман, выставляя на горах деревянные орудия, облицованные для блеска жемчужами и т. д., и, завлекая японцев, бить их с разных сторон, ведя партизанскую войну, благо, камчадалы превосходные стрелки. Перевозить артиллерию, снаряды и пулеметы по топким тундрам японцы не смогут, если мы им не оставим собак; если же без этого японцы вовлекутся внутрь страны, то они лишь погибнут от холода и голода. Услыша этот мой план, прапорщик Жаба обратился ко мне с предложением, не возьму ли я на себя и приведение его в исполнение. План мой слышали также и находившиеся тут дружины, на которые все слова мои произвели, по-видимому, сильно воодушевляющее впечатление. Один из начальников дружин, георгиевский кавалер, Александр Максимович Селиванов¹⁹, по настоянию дружинников, вышел вперед и от имени заявил мне задушевную просьбу, принять на себя командование дружинами, выдающими во мне истинного сына России, горячо любящего Царя и Родину, и повести их на дело спасения чести Отечества. "Сам Бог привел Вас сюда для защиты нас и нашей чести, – говорил Селиванов, – чтобы Царь наш видел, что Камчадалы любят Его и готовы умереть за Него. Ведите же нас и с Вами мы готовы идти на всякие опасно-

сти и, если потребуется, умереть за веру, Царя и отечество". Вид этого глубоко патриотического воодушевления сильно тронул меня[,] и я согласился на предложение дружин, но предупредил их, что необходимо во всем беспрекословно и точно повиноваться моим распоряжениям; а отдавать им приказания я начну лишь тогда, когда точно узнаю, как намерен поступить уездный начальник, ибо очень может статься, что планы действий его в дальнейшем вполне сходны с моими. Во всяком случае, я предложил дружинам до того, пока я им не отдам специального иного приказания, повиноваться во всем уездному начальнику, ибо он их прямой начальник. Мы решили, что все дружины двинутся на Большерецк, где японцы не могли бы их застигнуть совершенно врасплох... Я поздравил дружинников с походом, воодушевил их и выразил надежду и уверенность, что камчадалы покажут себя достойными внимания возлюбленного нашего Государя и сумеют, как Сам Господь повелевает, постоять за интересы родины и за свою честь. Все перекрестились и дружно изъявили готовность достойно и с честью выйти из испытания, а если придется, так и умереть за отечество. <...> Услыша от уездного начальника про его намерения подпустить японцев к Старому-Острогу и здесь им дать бой, я стал доказывать ему бесплодность такого шага, так как дружины не могут рассчитывать на успех в открытом бою с регулярными войсками. Я снова повторил о необходимости сжечь Петропавловск, а также сжигать селения по тому пути, по которому следовали бы за нами японцы; жителям же городов и селений необходимо предложить пораньше уйти вглубь страны и забирать туда заготовленную провизию, рыбу и проч. запасы».

В августе, будучи у уездного начальника Леха в Старом остроге, Потапов предложил остаться в Петропавловске при условии, чтобы ему «дали казаков и маячных матросов, а также, чтобы (ему) была выдана бумага, удостоверяющая, что уездным начальником (ему) вверяется общее наблюдение за городом и за наружным и внутренним его порядком и что (ему) поручается протралить бухту». Получив бумагу, Потапов 13 августа вернулся в Петропавловск и стал временным комендантом города!

За время исполнения этой должности в Петропавловской, Авачинской, Тарьинской и других, примыкающих к ним, бухтах, мин обнаружено не было, но были сняты буйки, поставленные японцами. Он предложил, а затем и организовал отпуск камчадалам муки из казенных скла-

дов, с рассрочкой платежа на 2–3 года. Потапов потребовал открытия закрытого по надуманной причине магазина Камчатского торгово-промышленного общества и, для предупреждения столкновений, поставил у магазина двух казаков. Распорядился сделать ремонт в здании уездного управления, собрать находившееся там оружие, документы и почту и, сложив все это в мешки, закопать в горах в определенных местах, чтобы эти вещи и бумаги впоследствии можно было снова разобрать и отдать по назначению. Прекратил шествие и игры, представляющие морскую битву русских с японцами, организованные учителем Робертом. Расследовал дело о мнимом предательстве Новограбленова²⁰ и об ограблениях, совершенных Кузьмой Овчинниковым. Привел в порядок пожарное хозяйство города: приспособления, пожарные инструменты и бочки были приведены в надлежащее состояние. Потапов расставил по разным частям города часовых и приказал в случае пожара звонить в соборные колокола, чтобы таким образом жители собирались, и кто чем может помогали тушению огня. Часто ему приходилось оказывать первую медицинскую помощь заболевшим, которых уже потом он отсылал к врачу. Обо всех действиях своевременно сообщалось уездному начальнику.

Рапорты Потапова послужили пусковым механизмом, заставившим повернуться шестерни огромного государственного механизма. Донесение З. П. Рожественскому настолько хорошо подтверждало выводы адмирала о состоянии дел на Камчатке, что на высказанное в нём желание продолжать службу во флоте, для чего держать экзамен на чин поручика, тот не только поддержал это желание, но и просил и. о. начальника Главного морского штаба «...исходатайствовать ему (Потапову) разрешение держать экзамен на чин Поручика и представить к награждению орденом Св. Станислава III степени с мечами». По мнению адмирала Рожественского: «Что касается Прапорщика Потапова, то хотя он видимо и не проникся сам началами воинской дисциплины, но во всем его поведении видно горячее стремление не выдать русского имени на посмеяние».

Будучи генерал-адъютантом, вице-адмирал З. П. Рожественский сумел обратить внимание Главного морского штаба, а затем и Государственного Совета и Комитета Государственной обороны на бедственное положение Камчатки: «В виду столь печального положения дел на богатой окраине, должны быть безотлагательно

приняты меры к водворению там разумной власти и соответствующей силы. Может быть[,] следует учредить в Петропавловске постоянную морскую станцию с небольшими портовыми средствами. Может быть, на такой станции следует держать пару мореспособных миноносцев; хотя бы и не обладающих современной большою скоростью хода. Может быть, кроме пары миноносцев, следует иметь в числе тамошних портовых средств несколько транспортов для правильного сношения с убежищами Охотского моря, океана и Амура, или несколько сторожевых шхун для патрулирования тех вод. Может быть, необходимо иметь по побережью угольные склады для этих портовых средств. Может быть, возможно поселение там казачества, привычного к промыслам (рыбной ловле, охоте), к рудному делу, с тем чтобы это казачество выделяло очередные части для службы в Петропавловске и на кордонах побережья, снабженных также необходимыми плавучими средствами – паровыми катерами или парусными ботами. <...> В настоящее время мы видим домогательство американцев получить концессию на постройку железной дороги через Камчатку и Сибирь от Берингова пролива к Амуру и на эксплуатацию богатств в придорожной полосе. Очевидно, что предприниматели изучили местность, изучили подробно и притом совершенно секретно от нашей окраинной администрации. <...> В нашем географическом обществе материалов, касающихся Камчатки и Охотского Края, также мало, как сведений о землях под южным полюсом...

Очень прошу Ваше Превосходительство воспользоваться поводом, который представился предлагаемым донесением, и подготовить для Его Превосходительства Морского Министра данные, могущие послужить предметом всеподданнейшего доклада и пробудить внимание к тому Дальнему Востоку, который еще не потерял для России, но неминуемо и очень скоро будет потерян, если будет оставлен при ныне действующих порядках».

В своем донесении великому князю Николаю Николаевичу главный командир флота, а затем морской министр А. А. Бирилев писал: «Помимо общего интереса, представляемого

этими рапортами, они дают ясное представление о тех явлениях печального безвластия и растерянности, которые царили как в Петропавловске, так и в Камчатке. Такие явления еще раз подтверждают необходимость упорядочения военной и административной организации в этих отдаленных окраинах, что, по моему мнению, представляется вопросом первостепенной важности, не терпящим отлагательства».

Об этом же говорил 31 марта 1908 г. в Государственной думе премьер-министр России П. А. Столыпин: «На нашей далекой окраине, на Камчатке и на побережье Охотского моря уже начался какой-то недобрый процесс. В наш государственный организм уже вклинивается постороннее тело. Для того чтобы обнять этот вопрос не только с технической, со стратегической точки зрения, но с более широкой общегосударственной, политической, надо признать, как важно для этой окраины заселение её» [4].

Весной того же года на Камчатку отправился военный губернатор Приморской области В. Е. Флуг, который еще в декабре 1906 г. первым поднял вопрос о необходимости выделения северных уездов области в особую административную единицу с центром в Петропавловске. С этой целью он прибыл на Камчатку в 1908 г. Благодаря усилиям З. П. Рождественского и Главного морского штаба, процесс сдвинулся с мертвой точки, и основным инициатором его был прапорщик Потапов, совершенно случайно попавший на Камчатку после крушения парохода «Ольдгамия».

17 июля 1909 г. была создана понятная структура административного управления и опубликовано Временное положение об управлении Камчатской областью, в котором говорилось: 1. Камчатская область состоит из уездов: Петропавловского, Охотского, Гижигинского, Анадырского, Чукотского и Командорских островов. 2. Камчатская область входит в состав Приамурского генерал-губернаторства. 3. Главное управление областью принадлежит приамурскому генерал-губернатору, а местное – губернатору. 4. Местопребывание губернатора есть город Петропавловск. 5. При губернаторе по областному управлению состоят: вице-губернатор, областной инженер, чиновники особых поручений и канцелярия по штату [2].

1. Ведерников Ю. В. Гибель кораблей и судов в русско-японскую войну 1904–1905 гг. Глава 4. Осколки войны // Бизнес в Китае : [информ.-аналит. портал]. URL: https://asia-business.ru/military/lost/lost_179.html (дата обращения 05.03.2024).
2. Казанцев В. П. Русско-японская война 1904–1905 годов. Проблемы управления Дальним Востоком в начале XX века // Новая и новейшая история. 2013. № 1. С. 198–204.

3. Описание военных действий на море в 37–38 гг. Мейдзи (в 1904–1905 гг.) : в 4 т. / сост. Мор. Генер. штабом в Токио ; пер. с яп. А. Воскресенский. СПб. : Тип. Мор. м-ва, 1910. Т. 4 : Действия против 2-й Тихоокеанской эскадры и овладение о. Сахалином. 315 с.
4. *Полевой Б. П.* Десять лет перед революцией. Из истории города Петропавловска-Камчатского // Камчатский край : краевед. сайт. URL: http://www.kamchatsky-krai.ru/history/polevoy_10_let.htm (дата обращения 16.04.2024).
5. Рапорт прапорщика по морской части Петра Леймана на имя заведующего командой крейсера «Новик» от 18 июня 1905 г. // SAKHALIN.INFO : [сайт]. Дата публикации: 20.02.2017. URL: <https://web.archive.org/web/20170226231056/https://sakhalin.info/weekly/128325> (дата обращения 05.03.2024).
6. *Цыбулько В. В.* Непрочитанные страницы Цусимы. СПб. : ИСТФЛОТ, 2010. 80 с. // itexts.net : все тексты книг : сайт. URL: <https://itexts.net/avtor-vladimir-vasilevich-cybulko/243053-neprochitannye-stranicy-cusimy-vladimir-cybulko/read/page-3.html> (дата обращения: 05.03.2024).
7. *Челомбитко А. Н.* Офицеры флота, корпусов, гражданские и медицинские чины, судовые священники Морского ведомства – участники Русско-японской войны 1904–1905 гг. При участии форума [журнала] Кортик. 2016. 457 с. // оиа.рф : Общество изучения Амурского края : сайт. URL: <https://оиа.рф/ssl/u/42/dcf363c5511e899dbe6938cad597/-/Офицеры%20флота%2С%20Корпусов%2С%20Гражданские%20и%20Медицинские%20чины%2С%20Судовые%20священники%20Морского%20ведомства%20-%20участники%20Русско-японской%20войны.pdf> (дата обращения: 05.03.2024).
8. Oldhamia. Names and owners. Fate // Hartlepool History Then and Now : [сайт]. URL: <http://www.hhtandn.org/hartlepool-ships-and-shipping/shipbuilding/206/withys-shipyard/ship/1854/oldhamia> (дата обращения: 05.03.2024).
9. РГАВМФ [Российский государственный архив Военно-морского флота]. Ф. 763. Оп. 1. Ед. хр. 271. 38 л. Рапорт и донесения командующего призовым судном «Ольгамия» (английский транспорт) прапорщика Трегубова А. С. Рождественскому З. П. и переписка Рождественского с Главным морским штабом о плавании и гибели судна и положении на Камчатке.
10. *Вахрин С.* Тайны камчатских имен : в 2 т. Петропавловск-Камчатский : Новая кн., 2014. Т. 1 : История происхождения камчатских фамилий. Камчатские родовые фамилии. История камчатских фамилий (А–С). 1008 с.

¹ **Колпаково** (Колпаковское) – упраздненный в 1964 г. пос. Колпаковский в Соболевском районе Камчатского края, на берегу Охотского моря. Возник в первой половине XIX в. на месте ительменского острожка.

² **Облуковино** – бывшее село Соболевского района Камчатского края, упраздненное 14 февраля 1964 г.

³ **Гребницкий Николай Александрович** родился в Новгородской губернии 26 ноября 1848 г. Умер в деревеньке Кузнецово на Новгородчине в 1908 г. Предположительно из однодворцев. После окончания Александровской гимназии в Новгороде был зачислен на естественное отделение физико-математического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. За участие в студенческих волнениях 1869 г. был отчислен из университета. В сентябре 1870 г. ему было разрешено продолжение обучения в Императорском Новороссийском университете г. Одессы, который он и закончил в 1872 г. получив степень кандидата естественных наук. В следующем году были опубликованы два его серьезных труда: «Материалы для фауны Новороссийского края» и «Предварительное сообщение о сродстве фауны Черного моря». В 1875 г. прибыл учителем математики в мужскую гимназию г. Иркутска и в том же году становится действительным членом Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. В 1876 г. причислен к штату Главного Управления Восточной Сибири, участвует в экспедиции, посвященной изучению Южно-Уссурийского края от оз. Ханка до Владивостока. 14 марта 1877 г. Гребницкий был зачислен в основной штат ГУВС и откомандирован для управления Командорскими островами. Занимал должность Начальника Командорских островов и котиковых промыслов 30 лет, по 26 мая 1907 г. О генеральском чине упоминаний не встречено. В 1893 г. Гребницкий был награжден золотой медалью Бэра, присужденной ему «в воздаяние заслуг по обогащению научно составленными коллекциями Императорской академии наук», а в 1896-м избран членом-корреспондентом Зоологического музея Академии наук. 27 декабря 1897 г. за научные заслуги был награжден дипломом, выданным французским министром народного просвещения на звание «Officier de l'Instruction publique». 18 июля 1901 г. утвержден корреспондентом Николаевской главной физической обсерватории. С 16 декабря 1899 г. – потомственный дворянин. За заслуги перед отечеством был награжден: орденом Св. Владимира IV степени (15 мая 1883 г.), орденом Св. Станислава II степени (19 января 1891 г.), Св. Анны II степени (1 января 1898 г.) и медалью в память царствования императора Александра III (26 февраля 1896 г.). В 1902 г. издан его труд «Командорские острова». Если в истории Командорских островов Н. А. Гребницкий – фигура сугубо положительная, то в истории Камчатки он известен как «злой гений», и человек, устранивший по ложному

обвинению в сумасшествии любимого всем местным населением уездного начальника, известного бессребренника А. П. Сильницкого. 18 июля 1904 г. Гребницкий прибыл в Петропавловск из Сан-Франциско в качестве уполномоченного министра внутренних дел и наместника царя на Дальнем Востоке. Ему было поручено расследовать дело о сумасшествии и уездного начальника Сильницкого, и его помощника – Вячеслава Векентьева. «Медицинская комиссия» состояла из одного врача, привезенного Гребницким, и священника. «Осмотр» продолжался семь минут, после чего Гребницкий вынес решение: он увозит обоих «сумасшедших» с Камчатки. Судя по отстранению заведующего обороной Камчатки Векентьева и его обманной высылке в Охотск, все действия Гребницкого были целенаправленными и отвечали чаяниям Камчатского торгово-промышленного общества и даже японцам. 4 мая 1905 г. уже отстраненный Сильницкий писал: *«Приспешники Камчатского торгово-промышленного общества пропагандировали в Петропавловске, что сопротивление, оказываемое населением японцам, – есть, в сущности, простой разбой. Этот взгляд на наши действия был вполне поддержан статским советником Гребницким, который, прибывши в Петропавловск 18 июля, не только расформировал организованные мною ополчения, но и приказал населению снимать ополченские кресты»*. Очевидцами событий: прапорщиком Потаповым, Ц. Э. Жабо и адмиралом З. П. Рожественским характеризуется сугубо отрицательно. Наряду с С. М. Лехом и Павским, фигурант дела о пропаже крупной казенной суммы. Отметим также, что касса Петропавловского уездного управления (вероятно, попала туда не без помощи Гребницкого) была обнаружена в целости (если это была не касса Командорского уезда, Потапов мог не разобраться) на Командорских островах и была снята транспортом «Аргунь» и доставлена во Владивосток.

⁴**Сильницкий Антон Петрович** (2 августа 1863–1910) – государственный служащий, журналист, петропавловский уездный начальник (1903–1904). Служил офицером в Российской армии в течение 12 лет. Неудачно пытался поступить в Николаевскую академию Генерального штаба. В октябре 1894 г. переведен из Европейской России в Приамурский военный округ, на службу в 10-й Восточно-Сибирский линейный батальон, расквартированный в Хабаровске. В 1896 г. Сильницкий покинул военную службу, став чиновником канцелярии Приамурского генерал-губернатора. Был направлен в командировку на Камчатку и в Анадырь, по результатам которой сделал доклад общему собранию Приамурского отдела Императорского Русского географического общества (ПО ИРГО). На основе путевых наблюдений Сильницкий написал очерк «Поездка в Камчатку и на реку Анадырь». В 1897 г. участвовал в проведении Первой всеобщей переписи населения, входил в состав Хабаровской переписной комиссии. С января 1897 г. был редактором официальной газеты «Приамурские ведомости». В 1901 г. вновь был направлен в командировку на Камчатку, по итогам которой составил описание поездки; кроме того, сделал фотографии различных населенных пунктов. В 1903 г. Сильницкий был назначен Петропавловским уездным начальником (то есть, *de facto*, управляющим всей Камчаткой). Проявил себя энергичным администратором, упорядочил работу пушного аукциона, чем пополнил бюджет уезда, но нанёс ущерб коммерческим интересам местных торговцев-перекупщиков. Часть средств, вырученных на аукционе, была направлена на закупку во Владивостоке товаров для местного населения. В видах борьбы с пьянством, запретил деятельность кабаков в Петропавловске. Отменил сложившуюся коррупционную практику привлечения местных торговцев к сбору ясака (податей) с коренного населения. Также отменил каюрную повинность (согласно которой коренное население должно было предоставлять торговцам нарты и собачьи упряжки). В 1903 г., вместе с военными моряками, участвовал в борьбе с японскими рыбаками-браконьерами, отправил задержанных японцев во Владивосток. А в 1904 г. Сильницкому суждено было стать если не героем, то заслуженным ветераном Русско-японской войны. На Камчатке широко известны строки из его приказа № 204 от 1904 г.: *«...Приказываю населению верить в мощь нашего Великого Государя и Его беспредельную любовь ко всем подданным от Петербурга до Петропавловска... <...> Запасные нижние силы, льготные и отставные казаки, а равно и волонтеры от населения приглашаются в состав формируемой дружины»*. Он организовал эффективное сопротивление японцам на Камчатке, сформировал ополчение, в результате чего высадившийся на полуострове летом 1904 г. японский отряд был разбит. Однако патриотическая деятельность Сильницкого привела к его конфликту с частью местной элиты (чиновников, торговцев и даже духовенства), на собрании которой (с участием уездного врача) он был признан сумасшедшим. Петропавловское духовенство приняло решение покинуть город, вывезя из него церковные святыни. Летом 1904 г. в Петропавловск прибыл уполномоченный министра внутренних дел и наместника императора на Дальнем Востоке, начальник Командорских островов Н. А. Гребницкий, который поддержал версию о сумасшествии Сильницкого и нервном расстройстве Векентьева. Они были отрешены от своих должностей и 30 июля 1904 г. с семьями посажены на пароход «Минеола», направлявшийся в Охотск, куда они и прибыли 3 августа. Оттуда Сильницкий выехал в Якутск, а затем в Иркутск. Написал для «Якутских областных ведомостей» статью об обороне Камчатки, которая была перепечатана многими газетами. В Иркутске Сильницкий прошёл медицинское освидетельствование и был признан полностью здоровым. С января 1905 г. вновь редактировал «Приамурские ведомости»; 25 июля 1905 г. был награждён орденом св. Анны II степени. Осенью 1905 г. в качестве ревизора вновь посетил Камчатку. Выйдя в отставку, стал редактором частной газеты «Приамурье», критиковавшей деятельность местной администрации, за что неоднократно

подвергался наказаниям, находился под арестом. Был избран гласным Хабаровской городской думы на период с 1910 по 1914 г., но в 1910 г. был сильно избит неизвестными и вскоре в возрасте 47 лет скончался.

⁵ **Милюково** – село, административный центр Милюковского сельского поселения и Милюковского района Камчатского края. Основано в 1743 г. Расположено в верховьях реки Камчатки, в 300 км на север от Петропавловска-Камчатского.

⁶ **Жабо (Жаба) Цезарь (Э.)** – старший штурман дальнего плавания пароходства КВЖД, командир Петропавловской дружины (89 чел.; по друг. данным 32 чел.) из казаков и добровольцев; прапорщик в отставке. Командовал шхуной «Мария», конфискованной у японцев в 1903 г. По распоряжению Сильницкого, с членами экипажа из 3-х человек подготовил её к походу, часть снаряжения и якоря для нее позаимствовали со складов КТПО. 16 июня 1904 г. судно вышло в море. По пути в Тигиль на него напала большая японская шхуна. Завязавшаяся между ними перестрелка закончилась для русских удачно, никто из них не пострадал. В июле шхуна высадила «явинский» десант из 28 ополченцев, которые соединились с дружинниками, пришедшими сушей. Результатом боя стало бегство захватчиков, потерявших 32 человека убитыми. В конце июня совершил разведывательный поход из Петропавловска на Шумшу.

⁷ **Кузьмин Леонтий Павлович** – младший унтер-офицер (в предписании, приложение V, именован ст. унтер-офицером), награжден Георгиевским крестом (з.о.в.о.) IV степени, участвовал при отражении японцев на р. Озерной 17 июля и на р. Воровской 9 августа 1904 г. (Вахрин С. Тайны камчатских имен. Т. 1. – С. 485).

⁸ **Вагин Дмитрий Герасимович** – староста с. Колпакова, был награжден серебряной медалью за участие в боевых действиях против японцев в период Русско-японской войны 1904–1905 гг.: «За усердие и распорядительность по формированию дружины и охране берегов» (Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп.1, д. 129). Кстати, награждены медалями «За усердную и образцовую сторожевую службу в общем наряде Колпаковской дружины» в 1905 г. и две его дочери, Евдокия и Матрена Вагины (с. 149–150).

⁹ **Большерецк (Большерецкий острог)** – бывшее селение на западном побережье полуострова Камчатки. Находился на территории Усть-Большерецкого района Камчатского края, при впадении р. Быстрой в р. Большую (ныне Плотнокова). Основан в 1703 г. С 1739 по 1783 г. – административный центр Камчатки. После 1928 г. прекратил существование.

¹⁰ **Павский Дмитрий Александрович**, род. 1856 (1857) г. Уроженец Тамбовской губернии, сын дьячка; кавалер Св. Станислава III ст. и серебряной медали в память царствования Александра III. Д. А. Павский, после незаконного отстранения А. П. Сильницкого, некоторое время (до весны 1905 г.) руководил уездом. После вступления в должность С. М. Леха стал его заместителем. Затем Д. Павского перевели помощником Охотского уездного начальника. В. И. Семенов так характеризовал Павского: «Вот, например, какой прием был оказан начальником уезда Павским Сотникову, вернувшемуся осенью 1904 г. в Петропавловск после завершения успешной обороны западного побережья: “Не выслушав даже словесного рапорта, стуча кулаком по столу, Павский кричал: – “За что ты убивал японцев, они ведь мирные... Начальник Сильницкий был сумасшедшим, и его приказы дурацкие. Векентьева и тебя повесят за то, что исполняли его приказы, а правительство понесет убытки за уничтожение шхуны...” Моральный облик этого Павского хорошо характеризует факт присвоения им имущества одного умершего местного купца. Его непосредственный начальник Ошурков, которого сменил Сильницкий, небескорыстно заинтересованный в прибылях купцов, разрешил, вопреки правительственному запрещению, свободную продажу спирта. Это дало возможность купцам спаивать охотников и буквально за бесценок забирать у них добытую пушнину. На покупку жизненно важных продуктов и товаров ее уже не оставалось, и в стойбищах процветали голод и нищета».

<https://cosmicore.livejournal.com/68696.html> (дата обращения 05.03.2024);

Семенов В. И. Оборона Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. <http://www.kamchatsky-krai.ru/history/oborona-kamchatki.htm> дата обращения 05.03.2024).

Коллежский советник Павский скончался от водянки 27 октября 1905 г. на транспорте «Аргунь» по пути из Петропавловска во Владивосток у о. Симушир.

¹¹ **Лех Станислав Матвеевич** – начальник Петропавловского уезда с 1905 по 1917 г. Родился 11 февраля (по старому стилю) 1872 г. в Иркутске. Его отец Матвей Лех, был сослан туда за участие в противоправительственных действиях, известных как «Польское восстание». В апреле 1866 г. был амнистирован. В 1883 г. Станислав поступил в Иркутскую гимназию, которую закончил 12 июня 1889 г. В 1892 г. обучался в Иркутском юнкерском училище и в чине подпрапорщика был направлен в 6-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон

к месту службы в пос. Посыет. На военной службе находился, по крайней мере, до 1896 г. В 1903 г. – помощник начальника уезда Командорских островов. Вместо Сильницкого назначен на должность Петропавловского уездного начальника 8 апреля (1 мая) 1905 г. в чине надворного советника. 20 апреля 1905 г. С. М. Лех подписал приказ № 2, которым весь Петропавловский уезд объявлялся находящимся на военном положении. Все пребывавшие в запасе офицеры и нижние чины призывались на действительную службу. Им следовало «немедленно представить свои запасные билеты местным сельским властям, в распоряжение коих они и поступят впредь до отправки на сборный пункт». Таковыми пунктами определялись: по западному берегу Камчатки – Большерецк и Тигиль, по восточному – Усть-Камчатск и Петропавловск. 30 июля, во время обстрела Петропавловска японскими лёгкими крейсерами «Сума» и «Идзуми», бежал из города в Старый Острог, бросив кассу, в которой было около 40 тыс. рублей, на произвол судьбы. После войны следствие о пропаже этой казённой суммы вёл прокурор владивостокского окружного суда. В своём представлении прокурору иркутской судебной палаты он писал, что Лех был допрошен по делу, и к нему была применена «подписка о неотлучке». Велись допросы и других свидетелей событий начала августа 1905 г. Расследование тянулось на протяжении многих лет и, судя по всему, закончилось ничем. С. М. Лех занимал должность Петропавловского уездного начальника до 29 октября 1916 г. (передал полномочия по болезни А. Н. Пименову) Командир канонерской лодки «Манджур» капитан 1-го ранга барон Раден в 1907 г. так охарактеризовал С. М. Леха: «Начальник уезда, он же мировой судья, следовательно, почтмейстер, заведывающий переселенцами, и вообще всем, человек весьма хороший, всеми любимый и уважаемый, с полным желанием исполнить свой долг и принести пользу краю. Но слишком мягок и, не будучи в состоянии выполнить все свои функции, он понемногу обратился в добросовестного канцелярского чиновника, и часто дискредитирует власть в глазах населения. Его помощник (Павский), алкоголик, уехал в начале лета в отпуск и был лишь вреден в уезде, где он водил знакомство со всеми пьяницами». Погиб в возрасте 48 лет в Николаевске-на-Амуре от рук партизан Я. И. Тряпицына.

¹² **Векентьев (Викентьев) Вячеслав Ростиславович** (1871–?), штабс-капитан запаса, сапёр, послан на Камчатку для организации ремонта казенных помещений. С началом военных действий – начальник всех ополченческих отрядов (дружинников) и заведующий обороной Камчатки. По инициативе Гребницкого в августе 1904 г. на пароходе «Австралия» вместо Камчатки обманом был доставлен и высажен в Охотске. Здесь он дождался зимы и на собаках выехал с семьей в Якутск. В Якутске Векентьев получил предписание губернатора Приморской области вернуться в Камчатку и вступить в командование дружинами. В этой должности он и пробыл до конца войны, успешно возглавил штаб обороны Камчатки. За вторую половину кампании Векентьев получил Св. Станислава II степени с мечами. По словам Векентьева, за все время войны в Камчатке было уничтожено 19 японских хищнических шхун и около 400 японцев. После войны занимался благоустройством Петропавловска, составил проект засыпки озера для увеличения площади будущего города. Пропал без вести в приамурской тайге.

¹³ **Тягиль (Тигиль)** – село в Камчатском крае России, административный центр Тигильского района. Село расположено в северо-западной части полуострова Камчатки, на р. Тигиль, в 48 км от её впадения в Охотское море. Основано в 1747 г. на месте корякского острожка Шипина и названо Тигильской крепостью по наименованию реки.

¹⁴ **Брюген – барон Н. Е. (Н. А.?: И. Э. ?) фон-Брюген** – Председатель Камчатского торгово-промышленного общества. В начале войны повсеместно распространял сведения о военных неудачах в целях спекуляции на камчатском рынке. Скупочную цену мехов занижал в 2,5 раза от обычной, а продажную цену муки поднимал вдвое. Деятельность Брюнгена подвергалась резкой и обличительной критике А. П. Сильницкого.

¹⁵ **Апач (Апача)** – село в Усть-Большерецком районе Камчатского края. В начале XVIII в. на месте села стоял острожек, тойоном которого был Василий Чириков, до крещения носивший имя Опача.

¹⁶ **Начики** – поселок в Елизовском районе Камчатского края. В XVIII в. в семи км от нынешнего села выше по реке стоял острожек тойона Начики.

¹⁷ **Роберт Лев Лукич** – коллежский ассессор, учитель Петропавловского уездного училища. Прославился своей фразой: «В случае прибытия в Петропавловск японцев или представителей другой какой-либо враждебной нам нации, никакой враждебности к ним не выказывать. Это будет самое лучшее, что в данном своем положении мы только и можем сделать».

Воробьева Э. А. Оборона Камчатки в Русско-японскую войну. <http://www.kamchadaly.ru/index.php/kunena/oborona1904-1905/566-po-materialam-arkhiva> (дата обращения 05.03.2024).

¹⁸ **Гундзи Сигэтада/Наритада (Сечу Гундзи)** – отставной капитан-лейтенант Императорского Военно-морского флота, до 1903 г. служил приказчиком Камчатского торгово-промышленного общества, занимаясь,

в основном, шпионской деятельностью. В конце сентября 1903 г. Сечи Гундзи уже в мундире японского флотского офицера проехал вдоль западного побережья Камчатки, когда русское охранное судно ушло от камчатских берегов, и побывал в селениях Явино, Голыгино и Колпаково. Гундзи был хорошо знаком с Камчаткой, знал полную беззащитность этой страны, и полагал, что не встретит здесь никакого сопротивления. Под его командованием 30 мая в устье Озерной с четырех шхун высадился прибывший с Шумшу вооруженный десант численностью около 150 человек, с двумя орудиями. Ближайшим к месту высадки было с. Явино, расположенное в 15 км к северу от Озерной. Следующее село, Голыгино, располагалось в 60 км. Японцы, захватив Явино и пробыв там какое-то время, ушли к Озерной. Свои силы Гундзи расположил в двух лагерях. Главный лагерь находился в месте высадки – на песчаной косе у устья Озерной, где японцы установили батарею. Тут же, в реке, стояли и их шхуны. Другой лагерь, «передовой табор», был расположен севернее. 15 июля 1904 г. Гундзи со своим врачом и двумя солдатами-переводчиками, попали в засаду и были взяты в плен М. И. Сотниковым. 16 июля основной лагерь японцев был разгромлен отрядом Максима Ивановича Сотникова. Японский флаг в Явино был снят. Столб с надписью о принадлежности Камчатки Японии был срублен лично командиром казачьей дружины Алексеем Максимовичем Селивановым. В августе пленных японцев доставили в Петропавловск, а затем в Мильково, где они пробыли до конца войны. Известно, что в декабре 1905 г. он вернулся через Владивосток в Японию.

Семенов В. И. Оборона Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 годов. <http://www.antikvarovnet.ru/viewtopic.php?f=114&t=331> (дата обращения 05.03.2024).

²⁰ **Селиванов Александр Максимович** – отставной пятидесятник, один из начальников дружин, георгиевский кавалер, герой «явинского» дела.

²¹ Предположительно **Трифон Иннокентьевич Новограбленов** – петропавловский мещанин.